

НА РУБЕЖЕ XX И XXI ВЕКОВ. ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: РОССИЯ

О.Б. Степанова

СЕЛО ТОЛЬКА И НЕ ТОЛЬКО

Статья посвящена анализу материалов, собранных в ходе экспедиции в национальное селькупское село Толька Пуровского района ЯНАО. Автор приходит к выводу, что современное положение толькинских селькупов можно считать вполне благополучным. Своим благополучием жители Тольки обязаны районным властям в тандеме с предприятиями нефтегазового комплекса. За последние 10 лет в районе была выстроена целая система мер поддержки, побуждающая коренных жителей Севера вести привычный для них традиционный образ жизни, сохранять традиционную культуру, иметь заработок и не чувствовать себя нищими и обделенными. Если сравнить три района РФ, где проживают северные селькупы, — Туруханский район Красноярского края, Красноселькупский и Пуровский районы Тюменской области, — в Пуровском районе степень этой поддержки самая высокая. Вместе с тем в Тольке остается ряд проблем, которые мешают проекту быть высокоэффективным.

Ключевые слова: этнография народов Сибири, современное положение коренных многочисленных народов Севера.

Одним из главных пунктов проведения моей экспедиционной работы в 2015 г. стало национальное селькупское село Толька Пуровского района Ямало-Ненецкого автономного округа, расположенное в верховьях р. Толька, притоке Таза, на самой границе с Красно-

селькупским районом. По данным главы Тольки В.П. Петрова, на 6 мая 2013 г. население села составляло 109 человек (89 человек, прописанных в Тольке, и 20 человек с пропиской в районном центре г. Тарко-Сале), из которых 100 человек — селькупы. Это село не следует путать с другой Толькой, относящейся к Красноселькупскому району и расположенной в устье р. Толька. Толька Красноселькупская намного крупнее — в ней проживает более 2 тыс. человек, и коренное население — 577 человек из 657 — составляют все те же селькупы [<http://selkup-adm.ru/>].

Из истории села Толька известно совсем немного: земли, на которых оно сейчас расположено, в 1930 г. (постановлением Президиума ВЦИК за подписью председателя ВЦИК М.И. Калинина) вошли в состав Ларьякского района Остяко-Вогульского национального округа Уральской области. Год образования села пока ждет своего открытия, но в 1934 г. поселок Толька уже существовал, о чем свидетельствует документ «Актовые записи о регистрации брака п. Толька. Толькинский кочевой совет. Ларьякский туземный районный исполнительный комитет. Остяко-Вогульский округ. Обь-Иртышская область. 1934 г. С января по декабрь 1934 г.», хранящийся в районном архиве г. Тарко-Сале [ПМА 2015]. В течение ряда лет снабжение Тольки осуществлялось из Нижневартовского района. В 1950-х годах с. Толька было передано в административное подчинение Пуровскому району.

Сообщение с Толькой весной, летом, осенью осуществляется вертолетом. Регулярным рейсом в Тольку можно считать «пенсионный» вертолет, привозящий пенсию, его снаряжает администрация района, когда пенсия поступает в район. Бывают и другие специальные рейсы, отправляемые райадминистрацией по мере необходимости: чтобы завезти продуктовые наборы пенсионерам или, например, доставить в село проверочную комиссию. Из села можно выехать также водным путем — до вахтового поселка Пионерный Пуровского района или до Тольки Красноселькупской, но оба пути длинные, тяжелые и зависят от погодных условий.

Зимой от села прокладывают зимник на запад, до дороги, связывающей Пуровский район с Большой землей. По зимнику в село осуществляется основной завоз всех жизненно необходимых грузов: горюче-смазочных материалов (далее — ГСМ), продуктов для

Рис. 1. Село Толька Пуровская, вид сверху.
Пуровский район Тюменской области. 2015 г. Фото автора

магазина, лекарств для фельдшерско-акушерского пункта (далее — ФАП), стройматериалов, оборудования, бытовых приборов и т.д.

В 2001–2008 гг. власти Пуровского района, заключив соглашение с местными предприятиями топливно-энергетического комплекса (далее — ТЭК), заново отстроили четыре районных национальных поселка — Тольку, Халясавэй, Самбург и Харампур. В Тольке на деньги компаний «Газпромнефть» и «Ноябрьскнефтегаз» были построены 30 новых домов (рис. 1). Дома все одинаковые, дощатые, в каждом две комнаты, кухня, сени и чердак, рядом с домом сарай, туалет и участок, обнесенный забором. Все дома сдавались с кирпичными печками и мебелью (две кровати, шкаф, две тумбочки, холодильник, электроплита). И хотя многие сельчане жалуются, что в новых домах зимой холодно, иначе как благом для них этот подарок властей не назовешь: в селе сохранилось несколько старых домов, 1950–1960-х годов постройки, и их состояние невозможно назвать пригодным для проживания. Другое дело, что сегодня в селе появились молодые семьи, не имеющие собственного жилья.

Но, думаю, вопрос с постройкой новых домов будет решен по уже проверенной схеме в недалеком будущем. Ни один дом в селе не приватизирован, как говорят местные жители: «А зачем? Здесь дом все равно никто не купит». Строительство национальных поселков в Пуровском районе было инициативой местной власти и проводилось вне рамок окружных и районных программ поддержки коренных малочисленных народов Севера.

В Тольке нет своей администрации, возглавляет село Владимир Павлович Петров, русский, из приезжих, назначенный сюда «из района». Он заведовал строительством новых домов. В его обязанности входит следить здесь за порядком (полиции в селе нет) и в первую очередь за тем, «чтобы родители, имеющие детей, не пили, в противном случае их лишают родительских прав». Он оформляет населению разные справки (для получения пособий), составляет и отправляет в район заявки на текущие нужды, принимает разные комиссии и гостей. Однако некоторые жители села считают, что «Петров занимается только пенсионерами». За здоровьем толькинцев следит фельдшер ФАПа Диляра Сайфулловна Хайсарова, тоже из приезжих.

Кроме ФАПа, в селе есть магазин, где работает один продавец, библиотека с одним библиотекарем и дизельная с четырьмя дизелистами. Библиотеке и помещению, где работает, живет и размещает приезжих гостей глава Тольки (двухэтажный дом-сруб с удобствами), по штату положена уборщица.

Сейчас в поселке нет школы. До 1993 г. здесь была школа-интернат, в ней выучилось несколько поколений толькинцев, которые сейчас тепло ее вспоминают: школа была хорошая, с традициями, квалифицированным педагогическим составом. В ней не только учили детей, но и помогали сельчанам выживать в трудные времена. Однако в 1993 г. село решили закрыть как бесперспективное, и школу перевели в поселок Халясавэй. Сейчас толькинские дети учатся в Тарко-Сале в школе-интернате.

Обычно в маленьких сибирских национальных поселках, где нет сельхозпредприятия и остро стоит вопрос с трудоустройством взрослого населения, школа служит главным работодателем. В 1990-е Толька осталась без школы, без сельхозпредприятия и без работы.

Своего сельхозпредприятия в Тольке, как удалось выяснить у местных жителей старшего поколения, никогда не было. Колхозные времена ни у кого в памяти не сохранились. В более поздние периоды советского времени здешние рыбаки-охотники и оленеводы относились к промхозу (ПОХ) — промысловому хозяйству Халяса-взя или состояли в «артели» таркосалинского рыбозавода. Эти предприятия организовывали сбыт продукции рыболовно-охотничьего промысла и оленеводства и давали местному населению заработок. В 1990-х годах, когда все развалилось, районные власти предприняли попытку организовать в Тольке национальную общину. Сначала она называлась «Сяқы», что в переводе с селькупского значит «густой лес, чаща», в 2001 г. община была переименована в «Ича» (имя героя селькупского фольклора). Ее создание, по замыслу райадминистрации, должно было научить толькинских селькупов самостоятельно решать свои хозяйственные проблемы, используя лишь ресурс объединения. Материально проект национальной общины был обеспечен очень плохо.

Со временем к властям пришло осознание того, что традиционное хозяйство коренных малочисленных народов Севера никогда не будет рентабельным, никогда рыночная стоимость продукции рыболовства и охоты не превысит затрат на ее производство и транспортировку к месту сбыта или переработки. Также никогда коренные народы Севера не смогут решить свои проблемы сами, как бы они ни объединялись и как бы мудро ни вели свое хозяйство. И если в традиционные промыслы не вкладывать деньги, эти народы попросту погибнут.

В 2005 г. для решения проблемы трудоустройства (читай: спасения) жителей Тольки община «Ича» — национально-общественная организация без собственных средств производства — была реформатирована и преобразована в национальное сельскохозяйственное предприятие — ОАО «Сельскохозяйственная территориально-соседская община «Ича»». В новое предприятие в соответствии с государственными окружными и районными программами поддержки коренных малочисленных народов Севера стали вкладываться немалые средства. Общине дали в аренду (за которую платит районная администрация) два участка лесного фонда: один — вокруг с. Толька, другой — вокруг оз. Быстринка, что в системе Чер-

товых озер (оба участка расположены в Красноселькупском районе; протяженность водного пути между участками — около 200 км). Для общины были созданы две материально-технические базы — в селе Толька и рыбацком поселке Быстринка (бывшем рыбацком поселке/рыбоугодье Пуровского рыбозавода), превращенном в факторию.

Для обеих баз в первую очередь закупили дизельное электрическое морозильное и холодильное оборудование для заморозки и хранения рыбы. На сегодняшний день база в Тольке оснащена тремя установками шоковой заморозки рыбы (замораживают рыбу за 3–4 часа), на 150 кг каждая, и двумя холодильниками вместимостью 5 т и 40 т. На Быстринке в 2007 г. поставили двухэтажную баржу-цех по переработке рыбы: здесь рыбу взвешивают, моют, брикетируют, замораживают (в двух морозилках на 150 и 500 кг) и хранят (холодильник на 40 т) до появления возможности ее вывоза (рис. 2). На берегу рядом с баржей находится еще один холодильник вместимостью 70 т. Если холодильник на барже переполняется раньше, чем рыбу вывозят, то рыбу перегружают в тот холодильник, что стоит на берегу (рис. 3). На втором этаже баржи — общежитие для рабочих-рыбоприемщиков.

Установка на базах общины «Ичи» холодильного оборудования большой вместимости обеспечила рыбаков главным — работой и заработком. Рыбаки работают в «Иче» по договору, у них сдельная оплата труда, сдельные отпускные, в декабре перед Новым годом они получают 50 % премии от заработанного. В 2015 г. на начало рыболовного сезона (5 июня) в Тольке числилось 34 рыбака, на фактории Быстринка — 28 рыбаков.

Одновременно с техническим оснащением общины власти решали смежную проблему сбыта замороженной рыбы. Ее решение было завязано на Пуровский рыбозавод, куда общину обязали сдавать всю выловленную рыбу. За каждый килограмм сданной рыбы, помимо ее закупочной стоимости, община получает субсидию от государства. Размер субсидии находится в зависимости от веса выловленной рыбы и планируется: община в целом и каждый рыбак в отдельности имеют план по рыбодобыче.

Община обеспечивает (бесплатно) рыбаков ГСМ, снегоходами, моторами, лодками, миниэлектростанциями, чумовыми печками, брезентом для чумов и палаток, сетематериалами, спецодеждой

Рис. 2. Фактория Быстринка, вид на баржу-холодильник.
Красноселькупский район Тюменской области. 2015 г. Фото автора

Рис. 3. Фактория Быстринка. Рыбаки перегружают брикетированную
рыбу из холодильника на барже в холодильник на берегу.
Красноселькупский район Тюменской области. 2015 г. Фото автора

(зимней, летней), сукном, аэросанями. Распределение товарно-материальных ценностей (далее — ТМЦ) среди общинников осуществляется по показателям производительности труда, например: чтобы получить 200 л бензина, рыбак должен сдать 1 т рыбы. ТМЦ община закупает в размере выданной государством субсидии. Расход субсидии тоже планируется. Каждый год община пишет заявку на приобретение ТМЦ и отправляет в районное Управление по развитию агропромышленного комплекса, которое передает ее в администрацию района, в отдел природного регулирования, непосредственно занимающийся закупками. Так, на 600 тыс. руб. в год закупаются сетематериалы, на 800 тыс. руб. — спецодежда.

На фактории Быстринка помимо рыбаков работают управляющий фактории, пять грузчиков/рыбоприемщиков и повар на барже (только летом), три дизелиста и два сторожа (круглый год), водитель вездехода (с 1 декабря по 30 апреля — на время работы зимника). Труд этих работников община оплачивает по окладам. В летний сезон на Быстринке собирается, без детей, около 40 человек (некоторые, имея здесь родственников, приезжают на заработки из Тарко-Сале) — «все они относятся к фактории». Неселькупов из них три человека — начальник фактории и два дизелиста. Состав людей, для которых Быстринка становится центром притяжения в рыболовный сезон, можно разделить на категории: те, кто постоянно живет в Быстринке (здесь есть 11 домов), те, кто постоянно проживает в лесных хозяйствах в округе оз. Быстринка, а также общинники из Тольки и приезжие из Тарко-Сале.

Ежегодно община получает квоту на объем рыбы, который разрешается вылавливать. В 2015 г. квота была получена на 220 т. Это суммарная цифра, внутри нее содержатся квоты на каждый из видов рыб. Размер квот исчисляется учеными, которые исследуют водоемы и делают заключение, сколько рыбы, каких видов и в каком водоеме можно выловить. На основе полученной квоты выдается бесплатное разрешение на вылов. В Быстринке квота распространяется на 8 водоемов/рыбоугодий/точек — это само оз. Быстринка, оз. Безымянное, р. Марылька, оз. Нютельто, р. Кытылька, оз. Березовое, оз. Утинка и Приеха. В Тольке водоем один — река Толька, но рыбоугодий на ее берегах больше, чем в Быстринке. На угодьях рыбаки живут семьями по 4–5 человек в чумах, палатках и избушках.

Особенности рыбного промысла в Тольке и на Быстринке разные, что объясняется сезонностью и спецификой гидрографической сети района. Приведем описание рыбопромыслового цикла на фактории Быстринка, сделанное управляющим фактории Быстринка И.З. Латыповым: «Начинается сезон 5 июня — с этого числа разрешается рыбалка по закону. С 5 мая по 5 июня рыбалка запрещена. На Быстринке с 5 июня по 15 июля — самый сезон, когда рыбоприемка на барже работает круглосуточно. Сейчас идет плотва мелкая, язь, караси, щука, сырок (мало). Сырок нормально идет в июле. 15 июля — 1 августа рыбалка заканчивается, кто-то еще привозит рыбу, но понемногу. Как лед встает, рыбалка снова начинается у тех, кто запоры удержал (у кого их не снесло, когда вода большая была). Запоры ставят по первому льду. Рыбу вычерпали, рыба прошла — сняли. Бывает, до марта стоят, пока рыба не пройдет. Баржа работает только летом. 30 сентября ее консервируют. Склады на берегу принимают рыбу до 15 декабря. Потом у рыбаков наступает отпуск. Квоты дают 1 марта. Снова начинают рыбачить, сдают на берег. В этот период рыбы тоже мало» [ПМА 2015].

В Тольке рыболовный цикл несколько иной, пик сезона добычи выпадает на другое время. Вот что говорит об особенностях рыболовства в Тольке глава села В.П. Петров: «Сейчас июнь, рыбы очень мало. Пока только караси. Ждут чебака. В Тольке рыба с середины августа по середину сентября. В позапрошлом году холодильники забили под завязку. В июне наши рыбаки уезжают на Быстринку, там рыбы сейчас много... Тугунок с середины августа начинает идти. Запоры осенью ставят все. На зиму снимают, когда чебака отрежут. Тугунка после 20 сентября не берут, он икру отменяет и становится вялый. Теперь по тугунку квоту выполнить очень сложно. В прошлом году не выполнили, выловили 60 кг. Браконьеры по 1,5 т ловят. Рыбе нужен отдых. Тугунок водится в трех местах земного шара — в Тольке, Березове и в Канаде». Нужно заметить, что тугунок, о котором упомянул В.П. Петров, — редкая белая рыба семейства сиговых, другое ее название — сосьвинская селедка. В Пуровском и Красноселькупском районах водится лишь в верховьях р. Толька. В килечном поселе эта рыба имеет своеобразный тонкий вкус и считается одним из лучших рыбных деликатесов. Тугунок — самая дорогая из всех видов рыб, принимаемых общиной,

его закупочная цена по прейскуранту — 300 руб./кг (для сравнения: крупный карась — 50 руб., сырок и крупная щука — 40 руб., язь — 30 руб.). Один из жителей Тольки в разговоре упомянул, что тугунка закупают по 1 тыс. руб. за килограмм. В сезон ловить тугунка выходит все население Тольки и съезжаются любители «со стороны». Тугунок во многом определяет специфику толькинского рыболовства и, можно сказать, служит визитной карточкой села.

Как было сказано, власти района создали для селькупской общины «Ича» материальную базу и нашли, куда сбывать пойманную рыбу. Вместе с тем им пришлось решать вопрос, как осуществлять вывоз рыбы на рыбозавод, расположенный в районном центре Пуровского района г. Тарко-Сале. Из Тольки, по словам замдиректора общины А.А. Икрянова, рыба вывозится по зимнику на арендованных машинах, иногда вертолетом с оказией. В будущем община планирует обзавестись собственным «КамАЗом». С Быстринки рыбу вывозят по воде, сколько успевают, — на термохолодильнике, прицепленном к катеру (КСке). Зимой тележку с рыбой цепляют к вездеходу. Когда дорога накатывается (для этого с начала зимы по дороге на пос. Пионерный на трех ручьях и одной речке намывают лед), нанимают машины.

Община также принимает птицу (боровую и водоплавающую дичь), соболя, ондатру, белку, ягоды. По приемочным расценкам глухарь и гусь (потрошенный) стоят 650 руб./шт., копалуха — 500 руб., тетерев — 200 руб., куропатка — 100 руб., утки — 80–50 руб. Однако, по сведениям главы Тольки, «птицу в этом году никто не сдавал, птицы в лесу стало меньше, гусь теперь в здешних местах не садится, идет транзитом дальше на Север, куропатки долго не было, но стала снова появляться, пока ее еще мало, уток в мае население поселка стреляло для себя» [ПМА 2015]. Глухарей, копалух и тетеревов, как говорят в деревне, прошедшей осенью почему-то не принимали. Мясо (лося, оленя) никто не сдает, на него даже нет расценок, хотя лосей в этих краях с избытком, на них успешно охотятся; лосятина — важнейшая составляющая в рационе питания местных жителей, стоящая на втором месте после рыбы. Закупочная цена на соболя зависит от сортности, в среднем 2 тыс. руб. за шкурку. Шкурки община продает предпринимателям. Белку тоже никто не сдает — цена низкая (100 руб. за шкурку), «еще свежевать ее надо

и патроны на свои покупать, один патрон 8 руб. стоит». Лицензии на охоту на того или иного зверя охотникам тоже приходится покупать за свои деньги. Ягоды — бруснику, клюкву — принимают по 150 руб./кг, морошку никто не сдает, а чернику в этом году не принимали. Ягод в лесу тоже стало меньше.

В общине по документам числятся только рыбаки, формально охотников теперь нет. Один из жителей, работающий в «Иче» рыбаком, 1963 г.р., рассказал мне, как ему неправильно начислили пенсию: «Как-то ушел на охотника, потерял полпенсии. Полгода прошло, пока добился правильной записи и правильной пенсии. В Пенсионном фонде новенькие сидят. Пишут “рыбак, охотник” через запятую, а надо через тире: “рыбак-охотник”. В знаках препинания суть. Потому что на рыбака начисляют пенсию, а на охотника — нет. Через суд судился. На пенсию выходят, когда 30 лет стажа есть. Полстажа хотели срезать. Что-то такое произошло в нашем трудовом законодательстве, отчего охотникам из сельхозпредприятий перестала полагаться пенсия» [ПИМА 2015].

У общины, как у предприятия со сложной схемой функционирования, много проблем, одна из самых серьезных — проблема передачи опыта молодежи: молодежь работает плохо, план «тянут» старые рыбаки. На Быстринке в 2014 г. 25 т рыбы выловил один человек — Айвар Кунин, рыбак старшего поколения. В Тольке в том же году выловили 19 т рыбы на всю общину. По словам главы Тольки, «перевелись нынче охотники, их родители лучше были».

Нужно отметить, что низкие показатели годового улова «Ичи» на толькинском участке обусловлены не только человеческим фактором. С ресурсами — рыбой и птицей — в Тольке дела обстоят с каждым годом все хуже — сказывается близкое соседство газовых месторождений. Ближайшие буровые — Холмистая (в 22 км), Равнинная (в 30 км), Четвертинская (в 55 км), Фестивальная и т.д. Как свидетельствует В.П. Петров, «раньше речка Толька была глубокая, катера ходили, потом обмелела. Сейчас то засуха, то затопление, ягоды нет, лося мало. В этом году утки было мало. Медведи к жилью часто стали выходить, не нравится им что-то в лесу». А там, «где плохо с ресурсами, не следует ждать и мощного развития» (мнение Т.А. Рыгиной, замдиректора Управления по развитию АПК Пуровского района).

Далеко не все жители Тольки работают в общине «Ича». Как и, главное, на что они живут? Этот вопрос стоит рассмотреть подробнее. Толькинские дети учатся в школе-интернате в Тарко-Сале и находятся на полном государственном обеспечении. Если в советское время интернаты воспринимались многими селькупами, ведущими полукочевой образ жизни, очень негативно, детей старались спрятать, не отдать, то теперь против интернатов никто не возражает, воспринимают их как благо. Хотя нужно заметить, что современные интернаты тоже изменились, их требования и к детям, и к их родителям уже не такие строгие, как раньше. Далее — пенсионеры, они живут на пенсию (в Тольке — 12–15 тыс. руб.). Один из информантов, который до выхода на пенсию работал рыбоприемщиком на рыбозаводе в Тарко-Сале, имеет пенсию 20 тыс. руб. Есть толькинцы, которые получают детские пособия и пособия по инвалидности. Селькупы, которые ведут традиционный образ жизни (состоящие и не состоящие в общине), получают «кочевое» пособие в размере 2 тыс. руб., поступающее им на карточки. Этим селькупам по программам поддержки коренных малочисленных народов Севера администрацией Пуровского района выдаются товарно-материальные ценности: электростанции, брезент для чумов, чумовые печки, аптечки, сукно, лодочные моторы и бураны. Заявку на получение ТМЦ составляет В.П. Петров согласно просьбам хозяев лесных угодий и передает ее в районное Управление по делам малочисленных народов Севера. Полтора года назад ТМЦ выдавались всем через общину, теперь порядок изменился. Пункт закона/программы, по которому ТМЦ выдаются населению, не состоящему в общине, называется «Жизнеобеспечение», по нему также оплачивается заготовка дров и т.д.

Практически у всех толькинцев есть свои лесные хозяйства: дом в лесу и/или чум на рыбоугодье. По пути из Тольки на Быстринку, спускаясь вниз по речке Тольке, я смогла осмотреть в ее верхнем течении 5 рыбоугодий, принадлежащих жителям Тольки:

1) Глиняная гора — *Сюи мач* — рыбоугодье Арсения и Евгения Григорьевича Куниных (рис. 4). На угодье стоял покрытый брезентом чум. Угодье расположено в 4 км от села;

2) Медвежья гора — изба семьи Каткилевых, на противоположном берегу реки — изба их родителей; чум Каткилевы еще не стави-

Рис. 4. Крытый брезентом чум на рыбогоде Глиняная Гора (Сюи мач)
на р. Тольке. Красноселькупский район Тюменской области. 2015 г.
Фото автора

Рис. 5. Сарай на сваях (кор) на рыбогоде Медвежья Гора на р. Тольке.
Красноселькупский район Тюменской области. 2015 г. Фото автора

ли, опасаясь большой воды, но поставят обязательно позже. Рядом с избой стояли два сарая, один из которых был на сваях (рис. 5);

3) Перемычка *Чопту мут* — уголье Сергея Григорьевича Кунина; стояло два каркаса чумов;

4) Смоляная яма — *Соттыль поры* — лесное хозяйство (избушка) Прохора и Аллы Куниных, находится в 3 км от берега и в 20 км от села. Чум хозяева ставят летом на песке у воды, но в этом году еще не поставили;

5) Малая Рыбная Речка — *Кыпахелькы* — песок с двумя каркасами чумов и стойбище в полчасе ходьбы от него вглубь материка, принадлежащее семье Алексея Кирилловича Кунина. Здесь заканчиваются верхнее течение реки Тольки и «меляки», которые мы проходили с большим трудом.

Когда-то верхнетолькинские селькупы были оленеводами. Из этих мест происходит самый известный среди селькупов человек — Ефим Кунин. В.Н. Скалон в статье «В тундре верхнего Таза», называя богачей-эксплуататоров (в конце 1920-х годов — кулаков) верховьев Таза, пишет: «Самый богатый человек в районе Ваха, Таза и Верхнего Пура — Ефим Кунин (Шатин, Шата, Сайгта), с вершины р. Толькы, по официальным данным имеет 800 оленей, но цифра эта сильно преуменьшена, он и сам не знает количества своих оленей; имеет много золота, значительный фонд пушнины и товаров, держит работников, устраивает свою ярмарку, все кругом ему должны, он не занимается выжиманием последних соков, пользуется большим влиянием и авторитетом, является родовым благодетелем» [Скалон 1930: 136–138]. В статье «Магнаты Севера» В.Н. Скалон указывает другое количество оленей Ефима Кунина — пять тысяч, «а может быть, и больше, кто их считал» [Скалон 1929: 58–61].

В позднее советское время в Тольке содержалось оленье стадо промхоза, достигавшее на рубеже 1960–1970-х годов одной тысячи голов. «Стадо было в поселке. Чумы стояли, избушки, амбары постройки 1930-х годов». Девять лет назад у толькинцев было 300 оленей. По сведениям информантов, несколько лет назад олени были у многих, но потерялись в одночасье: «У всех тогда в одну осень ушли олени, когда ДНСку поставили». ДНСка — это вышка в селе рядом с ФАПом, на которой закреплено разное электронное обо-

рудование, сейчас уже не работающее. Каково было его назначение, в селе никто вспомнить не смог [ПМА 2015].

Сегодня среди толькинцев оленей (30 голов) держит лишь Алексей Кириллович Кунин (рис. 6), хозяин угодья *Кыпахельки*. Мне довелось побывать на его стойбище и увидеть редкую для селькупов постройку, в которой содержатся олени в летний период — теневой навес-дымокур (*отый пурхый мон*). Обычно селькупы строят для оленей оленьи сараи. Конструкцию теневого навеса составляют четыре параллельных ряда столбов высотой с рост оленя, вкопанных в землю на одинаковом расстоянии друг от друга. Расстояние между рядами и столбами чуть больше высоты столбов. Верхние концы столбов каждого ряда накрыты закрепленными на них перекладинами из молодых сосновых деревьев с пушистой кроной и обрубленным корнем. Такие же деревья уложены между перекладинами, чем образована крыша конструкции. Теневой навес не только укрывает оленей от солнца, но и помогает им спастись от кровососущих насекомых: пушистые сосновые ветки, как щетки, счищают насекомых с оленьих голов и крупов, когда олень перемещается под таким навесом. Вокруг навеса устроены шесть огороженных жердями дымокуров (рис. 7).

Стойбище *Кыпахельки* — летнее, вместе с семьей А.К. Кунина постоянно проживает еще одна семья. На летние каникулы к хозяевам приезжают внуки, и на стойбище становится многолюдно. Все лето Кунины рыбачат на песке, от которого вглубь материка идет дорога на стойбище (рис. 8). Осенью, в сентябре, хозяева остаются одни и перемещаются на угодье, расположенное выше по реке, где ставят запор. Следом (когда рыба из запора вычерпана и сдана в общину) откочевывают в тундру, там они ищут оленей (олени содержатся на вольном выпасе) и живут всю зиму в палатках и чумах. Весной живут там же и караулят родившихся телят. Потом снова возвращаются на летнее стойбище. На *Кыпахельки* Кунины живут уже 10 лет, до этого они «где только не жили». Территория стойбища окружена изгородью из жердей — «огородом» длиной 10 км, который был сделан, когда оленей «только взяли», и теперь уже не используется: «Они и так никуда не убегают — ворота открыты» [ПМА 2015].

Рис. 6. Алексей Кириллович Кунин, хозяин стойбища Малая Рыбная Речка (*Кытахелькы*). Красноселькупский район Тюменской области. 2015 г. Фото автора

Рис. 7. Теневой навес-дымокур (оттый пурхый мон) на стойбище Малая Рыбная Речка (*Кытахелькы*). Красноселькупский район Тюменской области. 2015 г. Фото автора

Рис. 8. Лодки на песке, где расположено рыбогодье семьи Куниных на р. Толька. Красноселькупский район Тюменской области. 2015 г.
Фото автора

С 2006 по 2014 г. в Тольке проводился праздник День оленевода, в первый раз для участия в нем собрали 28 упряжек. В 2014 г. в празднике приняли участие всего три упряжки, принадлежавшие семье А.К. Кунина — после чего праздник в Тольке решили больше не проводить. Призом для победителя гонки на упряжках всегда был снегоход. Призы обеспечивала райадминистрация совместно со спонсорами — «Газпромнефтью» и «Ноябрьскнефтегазом».

В продолжение темы социального положения толькинцев следует перечислить еще несколько фактов, характеризующих отношения толькинских селькупов с государством.

Два года назад селькупы не платили ни за свет, ни за лекарства. Теперь за свет платят (деньги сдают В.П. Петрову) от 300 (летом) до 1000–1500 (зимой) руб. в месяц. Лекарства первой необходимости покупают в ФАПе, более специфические заказывают. Тем, кто живет на угодьях, выдают бесплатные аптечки. В Тольке и на Быстринке

есть мобильная связь (оператор один — «Ростелеком») и Интернет («он плохо ловит»), а также телевидение с пятью бесплатными каналами (но телевизор должен быть с ресивером). Пекарни нет, хлеб население печет само или привозит из Тарко-Сале. Дрова каждый заготавливает сам. Зимой дорожники (прокладывают дороги на буровые) бесплатно привозят в село лес, «чтобы не пропал». Баня одна на всю деревню. Любой может топить, когда захочет мыться. Летом ее топят редко. Существует проблема с водой в домах — воду из речки таскать далеко, в гору. Особенно тяжело зимой. В здание администрации воду из реки качают помпой. Вода в речке Тольке очень чистая, можно пить, но все-таки питьевую воду берут в источнике за вертолетной площадкой.

Результаты проведенной в Тольке экспедиционной работы показали, что здесь сохраняются многие элементы традиционной культуры. Например, вышеупомянутый А.К. Кунин — мастер (и не единственный), который умеет изготавливать лодки-долбленки (здесь они называются колданками) (рис. 9). Долбленными лодками в селе пользуются многие, и ездить на них умеют не только старики. Во время поездки по р. Толька колданки были отмечены мной на всех стойбищах. На каждом рыбоугодье лежат и ждут своего сезона запоры (жилье) (рис. 10) и пешни. В одном месте мне даже показали острогу «для ночной рыбалки».

Чумы в местах летнего рыбного промысла в Тольке ставятся обязательно. Нередки в лесных хозяйствах традиционные селькупские сараи на сваях. В селе есть две используемые традиционные колыбели. Информантки продемонстрировали мне свою селькупскую игольницу — *мыкай сангий*. В нескольких семьях зимой по-прежнему носят национальную одежду. В пищевых пристрастиях толькинцев неизменным остается сыроедение: едят сырыми печень и желудок у птиц, осенью — печень оленью и лосиную, а также пьют кровь этих животных.

Если сравнивать степень сохранности традиционного мировоззрения у разных групп селькупов, можно сказать, что у толькинцев она довольно высокая. В первую очередь эта оценка относится к специфическому погребальному обряду, характерному для этой группы селькупов. Все село хоронит умерших по одному образцу,

Рис. 9. Алексей Кириллович Кунин за изготовлением лодки-долбленки. Красноселькупский район Тюменской области. 2015 г. Фото автора

Рис. 10. Запор (жилье), сложенный на рыбоугодье семьи Куниных на р. Толька. Красноселькупский район Тюменской области. 2015 г. Фото автора

без вариантов (описания погребальных сооружений селькупов см.: [Степанова 2015]). Подобные типы захоронений есть и на кладбищах других сел (Красноселькупа, Тольки Красноселькупской и Ратты), где проживают северные селькупы, но там они встречаются как единичные случаи или как один из типов имеющихся захоронений. Из этого можно сделать вывод, что данный тип присущ в первую очередь группе верхнетолькинских селькупов и очагом распространения этого типа погребального обряда служило село Толька Пуровская. Исключительно толькинский тип селькупских захоронений присутствует на кладбищах города Тарко-Сале и фактории Быстринка. Но это говорит лишь о том, что переселение селькупов в эти населенные пункты шло с верховьев Тольки. Вероятнее всего, погребальный обряд верхнетолькинских селькупов испытал на себе хантыйское влияние. Среди толькинских селькупов распространены четыре фамилии: Кунины, Каткилевы, Каминь и Прасины. Некоторые из информантов считают (существует также соответствующее научное предположение), что эти фамилии имеют хантыйское происхождение, поскольку с запада и юга соседи толькинцев — ханты, с которыми селькупы данной местности когда-то имели брачно-родственные связи.

В Тольке мной были собраны и другие интересные материалы по традиционным представлениям селькупов о мире, которые имеет смысл рассмотреть в отдельной публикации.

Подводя итоги, можно сказать, что для благополучия верхнетолькинских селькупов районные власти в тандеме с предприятиями нефтегазового комплекса создали все необходимые условия. Была выстроена целая система мер поддержки, побуждающая коренных жителей Севера вести традиционный образ жизни, сохранять традиционную культуру, иметь заработок и не чувствовать себя нищими и обделенными. Если сравнить три района Российской Федерации, где проживают северные селькупы, — Туруханский район Красноярского края, Красноселькупский и Пуровский районы Тюменской области, — в Пуровском районе степень этой поддержки самая высокая. Вместе с тем остается ряд проблем, которые мешают осуществляемому государством социальному проекту быть высокоэффективным. К ним в первую очередь относятся алкоголизм, достаточно сильные в селькупской среде иждивенческие

настроения и связанный с ними отказ от работы. От жителей Тольки не раз приходилось слышать: «Мы, селькупы, умирающий народ, мы в Красной книге, нас надо беречь, нам все должны!»

Источники

Интернет-ресурс «Официальный сайт Администрации Красноселькупского района»: <http://selkup-adm.ru/> (дата обращения: 07.11.2015).

ПМА 2015 — полевые материалы автора 2015 г.

Библиография

Скалон В.Н. Магнаты Севера // Охотник и рыбак Сибири. 1929. № 2. С. 56–62.

Скалон В.Н. В тундре верхнего Таза (фактические данные к вопросу о классовом расслоении) // Советский Север. 1930. № 3. С. 9–139.

Степанова О.Б. Традиционные наземные погребальные сооружения северных селькупов // ЭО. 2015. № 4. С. 151–168.

VILLAGE TOLKA AND NOT ONLY

Stepanova Olga B.

This article analyzes the material collected during the expedition in the national Selkup village Tolka Pur district YaNAO. The author concludes that the current situation tolkinskih Selkups can be considered quite satisfactory. His well-being of the inhabitants of the district authorities are only required in tandem with oil and gas companies. Over the past 10 years in the area was built a whole system of support measures encouraging indigenous peoples of the North lead normal for their traditional way of life, preserve the traditional culture, have a salary and not to feel poor and deprived. If we compare the three regions of the Russian Federation, where there are northern Selkup — Turukhansk district of the Krasnoyarsk Territory, Krasnoselkupsky Purovsky and Tyumen Regions — in Purovsky area extent of this support is the highest. However, in only the remaining number of problems that prevent States from requiring the social project to be highly effective.

Keywords: Ethnography of Siberia, the current situation of indigenous peoples.